Глава 79: Ритуал

Над полем боя раздался скорбный вой рога, и атакующие орки прекратили штурм и отступили. Когда они отступали, некоторые орки пнули своих павших товарищей, разбудив их. Те павшие орки с ранами, которые обычно убили бы нормального человека, просто встали и сердито потерли головы, прежде чем похромать обратно к своим позициям.

Майор Фрэнк стоял в командном центре обороны Перевала Соутут, наблюдая за камерами, следящими за Перевалом. Он заметил орка с оторванной рукой и окровавленной выходной раной на спине, очнувшегося на поля боя, когда его собственные сородичи дали ему хорошего пинка.

Он сонно покачал головой, встал, почесал подмышку здоровой рукой и, спотыкаясь, побрел за остальными. Фрэнк нахмурился, наблюдая за подобными сценами, происходящими на поле боя.

— Похоже, орки не умирают так легко, — указал Фрэнк мастер-сержанту Пайку, стоявшему у тактического стола.

Пайк оторвал взгляд от карты и взглянул на дисплеи, прежде чем прокомментировать:

— Они просто впитывают все повреждения, как гребаная губка для пуль.

— Похоже, около сотни или около того убитых, возможно меньше, и триста, четыреста раненых, — быстро подсчитал Фрэнк по изображениям, которые он видел на дисплеях.

— Они отступают, похоже, битва на сегодня закончена, — Пайк подошел к Фрэнку, уставившемуся на дисплей. — Пока что серьезных жертв нет, за исключением нескольких тупых идиотов, которые не знают, как пригнуться, когда камни из катапульт попадают в стены.

— Эти катапульты весьма раздражают, — Фрэнк выделил на экране десятки переносных катапульт, которые орки несли обратно.

Грубо сделанные катапульты были больше похожи на очень простой требушет, изготовленные из деревянных перекладин, соединенных вместе и использующих мышечную силу, чтобы бросать камни весом от 40 до 50 кг, когда два или более орков выступали в качестве противовесов, дергая за веревки, в то время как другой орк держал корзину, в которой находились их снаряды.

Как только будет применено достаточное усилие или бедный орк больше не сможет удерживать корзину, он выпустит корзину, бросая ее содержимое в цель, иногда вместе с несчастным орком, так как он не мог вовремя освободить руку, к большому удовольствию и смеху своих собратьев.

— Смените людей, чтобы они отдохнули и поели горячей еды, — сказал Фрэнк. — Удвойте дозор сегодня вечером, у меня такое чувство, что они могут скоро изменить свою тактику и попробовать что-нибудь забавное. Пошлите людей расчистить поле и заменить всю колючую проволоку, которая нуждаются в ремонте.

Пайк отдал честь и вышел, улыбаясь, и наблюдая, как зеленый лейтенант повзрослел за последние несколько месяцев и теперь стал майором.

***

Имперский лагерь, 1-й полк мечей Фаллоуфолла, Владения герцога.

Внутри безвкусно выглядящей палатки, достаточно большой, чтобы вместить от 20 до 30 человек, герцог Страм сидел в красивом резном кресле из темного дерева. Палатка была богато украшена другой мебелью из темного дерева, что делало все полным комплектом, который, вероятно, стоил более тысячи золотых монет, в то время как пол палатки покрывали толстые и богатые ковры. Маленькая золотая жаровня защищала от холода, но из-за толпы офицеров, окруживших большой стол в центре палатки, атмосфера внутри казалась душной.

— Милорд, — заговорил командир Элосен из 3-го полка мечей Фаллоуфолла, — эркины более трех дней находятся в тупике с повстанцами на перевале! Дайте мне два дня, и мой полк возьмет для вас Перевал!

— Тск, — темный худощавый эльф, облаченный в богато украшенную цельную броню с маркировкой и цветами, идентифицирующими его как улана, презирал Элосена, — выдающийся 3-й имперский уланский полк был уничтожен, сражаясь с повстанцами на Перевале, и это без каких-либо защитных стен. Как вы думаете, что могут сделать ваши три тысячи человек, когда ваши лучшие коллеги не смогли этого сделать?

Командир Элосен зарычал на Луиза, командира 2-го уланского полка:

— Ты, дерзкий дурак, заткни свою пасть, кто здесь лучше тебя?

— Просто констатирую факт, ну, если ты хочешь поскорее умереть, то я не должен тебя останавливать, — Луиз махнул рукой Элосену, который покраснел от ярости, и встал, потянувшись за своим мечом.

— ХВАТИТ! — взревел герцог Страм, стукнув кулаком по столешнице из темного дерева перед собой, разбросав серебряные тарелки с мясом и фруктами. — Прекратите сейчас же эту чушь!

И Элосен, и Луиз поклонились и извинились, бросая друг на друга свирепые взгляды.

Остальные офицеры просто пожали плечами, поскольку эти двое всегда вцеплялись друг другу в глотки.

— Мы кое-чему научились в прошлом, когда имели дело с этими мятежниками, — встал эльф с моноклем, похожий на ученого, и сказал. — С тех пор, как мы сражались с ними в последний раз, они, похоже, были способны использовать несколько заклинаний 10-го уровня одновременно. Кроме того, похоже, что артефакты «громовые палочки» изменились, теперь они извергают большое количество дыма.

— Что ты пытаешься сказать, Дулар? — нетерпеливо заворчал Элосен. — Переходи к делу!

— Я пытаюсь сказать, что повстанцы намного сильнее, чем раньше, — ответил ученый Дулар, одетый в темно-синий плащ с серебряными руническими знаками. — На этот раз мы должны быть более осторожны.

Лорд Страм кивнул, он уже принял несколько дополнительных мер по сравнению с прежним. Его личная охрана окружила его палатку, а часовые были расставлены так, чтобы прикрывать все подходы к лагерям. Даже в его собственной палатке были сотканы заклинания, защищающие его от любых атак, как физических, так и магических.

— Командир эркинов сообщил мне, что они собираются провести ритуал сегодня вечером, — сказал Страм своим людям, которые начали неловко перешептываться между собой. — Пусть у собак будет еще шанс.

— Да, милорд, — мужчины вокруг стола встали и отдали честь.

***

Лагерь орков / эркинов

Темнота в палатке была такой темной, что свет, казалось, был поглощен. Урка ничего не видел, когда неизвестные руки вели его в центр палатки.

— Урка Свирепый, ты пришел на ритуал, — из темноты донесся скрипучий голос. — Но, чтобы получить силу, ты должен чем-то пожертвовать. Что ты мне дашь?

— Я принесу павших врагов в жертву, — нараспев произнес Урка, следуя древнему ритуалу. — Моя кровь для жизни и мои кости для силы.

— За это наши предки восстанут, чтобы сеять хаос среди живых! — старейшина закончил

церемонию, и Урка почувствовал, как его выводят руки.

Когда Урка вышел из палатки, старейшина начал петь, за ним последовали другие шаманы, сидевшие в кругу. Под их ногами появилось темно-красное свечение, и магический круг медленно загорелся красноватым светом. В центре магического круга находилась глыба черного обсидиана, на которой был привязан обнаженный эльф с кляпом во рту.

Обнаженный эльф отчаянно извивался, пытаясь освободиться от пут, его глаза расширились от ужаса, когда он дергался влево и вправо. Пение достигло высшей степени неистовства, и шаманы, используя бедренные кости людей, барабанили по земляному полу, отбивая темп, который сводил пленного эльфа с ума.

По мере того как магическое свечение становилось все ярче и ярче, глаза эльфа выпучились, покраснели, когда лопнули кровеносные сосуды, из ушей и носа потекла кровь. Он выгнул спину под невозможным углом, и его мышцы свело судорогой, бессловесный крик вырвался из горла. Ритм барабанов и хаотичное пение становились все быстрее и быстрее, и внезапно эльф взорвался облаком кровавого тумана, оставив после себя кости и органы, которые начали гнить.

И в палатке сразу же воцарилась тишина, и вернулась темнота. Старейшина подошел к останкам, откопал сгнившее сердце, которое все еще медленно билось, и положил его в маленький мешочек.

— Сожгите останки, убедись, что все превратилось в пепел, — проинструктировал старейшина и вышел из палатки с сумкой.

Урка стоял снаружи палатки, ожидая вместе с несколькими воинами, расположившимися полукругом.

— Все сделано?

Старейшина кивнул, поднимая испачканный мешочек.

— Мы готовы.

— Пойдемте, — Урка повернулся и пошел впереди, его воины и старейшина последовали за ним. Они пробирались сквозь корни и влажную почву леса под пылающими факелами воинов, прежде чем выйти на большую поляну.

Его воины рассредоточились, их факелы осветили поляну, где тела павших эркинов были сложены в кучу.

— Мы нашли место, где Империя похоронила своих мертвых в прошлый раз, когда они были

здесь, — он указал на влажную почву.

— Замечательно, — прохрипел старейшина и начал бродить по поляне, прежде чем остановиться и указать на пятно на земле. — Выройте здесь яму высотой с оленя.

Урка кивнул, жестом приказывая своим воинам работать. Он отступил назад и скрестил руки на груди, ожидая. Вскоре, чуть больше поворота стекла, была вырыта яма, по бокам которой виднелось несколько сгнивших костей. Старейшина скользнул вперед и осмотрел дыру, дважды обойдя ее по кругу и, по-видимому, удовлетворенный, опустил мешочек и начал петь.

Урка почувствовал мурашки по коже и холодок на спине, когда услышал пение. Он подавил позыв к рвоте, крепко уперся ногами и попытался не обращать внимания на пение. Внезапно один из воинов эркинов вскрикнул, схватился за голову и побежал кругами, прежде чем врезаться головой в ствол ближайшего дерева с такой силой, что его череп раскололся, а кусочки мозгового вещества запятнали ствол. Ноги еще одного эркина задрожали, и моча закапала вниз.

Так же, как это началось, пение прекратилось, и старейшина в плаще с капюшоном, казалось, улыбнулся Урке. Старейшина подошел к упавшему Эркину и остановился над треснувшим черепом, тыча во внутренности костлявым пальцем.

— Хммм, — старейшина изучил пролитые мозги и заявил: — Духи одобряют, это хорошее предзнаменование.

Урка сжал кулаки, чтобы они не дрожали, и собрался с духом, прежде чем сказать:

— Все готово? — в то время как остальные воины оправились от безумия, вызванного пением. Некоторые падали на ослабевшие ноги, другие блевали или мочились, они избегали смотреть на старейшину и своих несчастных собратьев.

— Да, да, — ответил старейшина, в то время как его пальцы продолжали шарить по черепу, оставляя следы серого вещества на пальцах. Он засунул палец под капюшон, словно пробуя свежие мозги, прежде чем повернулся и жестом указал на землю. — Да, готово, все сделано, теперь это просто вопрос времени.

Урка кивнул, к нему вернулись силы, и он почувствовал, как почва под его ногами начала извиваться и двигаться. Он быстро отступил назад и насторожился, наблюдая, как почва начала осыпаться. Из кучи мертвых эркинов внезапно донеслось несколько стонов, и воин эркинов, совершивший самоубийство, вскочил на четвереньки и встал, двигаясь как марионетка.

— А-а-а, дети мои, — старейшина кривлялся, как ребенок, взволнованно хлопая в ладоши. — Пойдемте!

Мертвые эркины, прислушиваясь к словам старейшины, встали и, шаркая, подошли, вставая перед старейшиной, в то время как сгнившие руки скелетов вырвались из почвы и вырыли себе путь наружу. Мертвые эркины и имперцы медленно собирались в огромную массу. Урка зачарованно уставился на них, так как слышал только рассказы и истории о немертвых слугах старейшин эркинов. Остекленевшие глаза эркина без всякого выражения смотрели вперед, в то время как сгнившие тела солдат Империи, большинство из которых были просто костями и обрывками ткани, прилипшими к их костлявым телам, стояли, ожидая слов старейшины.

— Пора, — сказал Урка старейшине и отдал честь с большим уважением, чем обычно. С армией нежити все, что им нужно сделать, это подождать, пока защитники истощат себя, прежде чем эркины начнут атаковать. — Отправьте их против Перевала сейчас же, они идеально подойдут для ночной атаки.

— Духи воинов, придите! Сегодня ночью вы снова будете живы!

http://tl.rulate.ru/book/18239/1634759